

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4>

UDC 141.201.2-78
LBC 87.6

Submitted: 09.09.2021
Accepted: 15.08.2022

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL FEATURES OF RELIGIOUS EXTREMIST ACTIVITY – BETWEEN HIERARCHY AND NETWORKIZATION

Tatyana V. Izluchenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The work is devoted to the study of the structural and functional model of religious extremist associations. Religious extremist actions are viewed as a joint form of organized activity. Its specifics are influenced by the conditions of modern civilization: digital environment, virtualization, globalization, and networkization. The research methodology is based on the structural-functional approach by T. Parsons. Religious extremist associations are viewed as systemic units of a sociocultural community and independent social systems. The establishment of network connections is carried out within the theories framework by J. Barns, M. Castells. The nature of the relationship between the participants is determined by the theory of social exchange by G. Homans. In the modern world, many organizations, especially those with a transnational characteristic, are replacing the hierarchical structure model with a network one. This allows them to optimize their economic and intellectual resources, strengthen political and symbolic capital, expand their target audience and increase competitiveness. Extremist organizations are also transforming their structure. Religious extremism seeks to implement socio-political projects for a radical transformation of social reality on a religious basis through the conquest, retention, and use of power by illegal methods. Religious extremist associations actively use network resources, cooperate with other organizations and make appropriate changes to the structure. However, they retain a hierarchical model where the relationships are less explicit due to networkization processes. This model remains the main one due to the presence of a) sacred; b) general religious beliefs; c) a sense of spiritual unity and sacred significance, as well as the sharing of the religious and political ideology provisions by all participants. It is the combination of hierarchy and networkization that contributes to the widespread dissemination of the religious extremism ideas and the growth of the activity of religious extremist associations.

Key words: extremism, religious extremism, extremist associations, hierarchical model, networkization, social system, social network.

Citation. Izluchenko T.V. Structural and Functional Features of Religious Extremist Activity – Between Hierarchy and Networkization. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 33-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4>

УДК 141.201.2-78
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 09.09.2021
Дата принятия статьи: 15.08.2022

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕЖДУ ИЕРАРХИЧНОСТЬЮ И СЕТЕВИЗАЦИЕЙ

Татьяна Владимировна Излученко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию структурно-функциональной модели религиозных экстремистских объединений. Религиозные экстремистские действия рассматриваются в качестве совместной формы организованной деятельности, на специфику которой влияют условия современной цивилизации: цифровая среда, виртуализация, глобализация и сетевизация. Методология исследования основывается на структурно-функциональном подходе Т. Парсонса. Религиозные экстремистские объединения понимаются как системные единицы социокультурной общности и самостоятельные социальные системы. Установление сетевых

связей осуществляется в рамках теорий Дж. Барнса, М. Кастельса. Характер взаимоотношений между участниками определяется теорией социального обмена Дж. Хоманса. В современном мире многие организации, особенно обладающие транснациональным признаком, заменяют иерархичную модель структуры на сетевую. Это позволяет им оптимизировать свои экономические и интеллектуальные ресурсы, усилить политический и символический капиталы, расширять целевую аудиторию и увеличивать конкурентоспособность. Экстремистские организации также трансформируют свою структуру. Религиозный экстремизм стремится реализовать социально-политические проекты радикального преобразования социальной реальности на религиозной основе посредством завоевания, удержания и использования власти противоправными методами. Религиозные экстремистские объединения активно используют сетевые ресурсы, кооперируются с другими организациями и вносят соответствующие изменения в структуру. Однако у них сохраняется иерархичная модель, в которой из-за процессов сетевизации взаимосвязи ставятся менее явными. Данная модель остается основной по причине наличия: а) священного; б) общих религиозных убеждений; в) ощущения духовного единства и священной значимости, а также разделения всеми участниками положений религиозно-политической идеологии. Именно сочетание иерархичности и сетевизации способствует широкому распространению идей религиозного экстремизма и росту активности религиозных экстремистских объединений.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, экстремистские объединения, иерархичная модель, сетевизация, социальная система, социальная сеть.

Цитирование. Излученко Т. В. Структурно-функциональные особенности религиозной экстремистской деятельности: между иерархичностью и сетевизацией // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 33–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4>

В современном, быстро развивающемся мире организации стремятся повысить эффективность своей деятельности и сохранить конкурентоспособность. Условия глобализации требуют включения элементов сетевизации как действенных средств функционирования. Широкое распространение сетевых структур провоцирует создание сетевого общества, формальных и неформальных связей, отличающихся интенсивностью, длительностью и направленностью. Сетевая структура является многокомпонентным полифункциональным образованием, действующим на основании наличия взаимосвязей, взаимозависимостей и кооперативного взаимодействия акторов, содействующего решению общих задач. Действенная, динамическая структура сетей оказывает воздействие на поведение акторов во всех социальных сферах [Баньковская 2019, 63].

Религиозные экстремистские объединения распространяют политическую и религиозную идеологию, противостоящую общественным нормам и провозглашающую отказ от окружающей культуры, и стремятся расширить детали и строгость религиозного закона на социум [Chetty, Alathur 2018]. Распространение идей религиозного экстремизма, привлекательность участия в религиозной экстремистской деятельности для молодежи во многом обусловлено активным использовани-

ем принципов сетевой модели организации. Однако, анализируя структуру и методы религиозных экстремистских объединений, роль религиозного фактора, ритуальные практики и социальные действия, возникает вопрос – действительно ли они сеть или они таковой позиционируются?

Определение специфики структурно-функциональной модели функционирования религиозных экстремистских объединений, учитывающей условия современной реальности, глобализационные процессы и технологические возможности, является важным условием для разработки и оптимизации управленческих решений в сфере противодействия религиозному экстремизму. Цель работы заключается в выявлении структурно-функциональных особенностей религиозной экстремистской деятельности, реализуемой в форме религиозных экстремистских объединений как социальных систем, а также характеристика взаимосвязи иерархичности и сетевизации в рамках социальных структур религиозного экстремизма.

Методология исследования

В основе методологии исследования находится структурно-функциональный подход к рассмотрению религиозных экстремистских объединений, с одной стороны, как системных единиц социокультурной общности, а с

другой – социальных систем, структурные единицы которых обладают определенными функциями адаптации, регуляции и социального контроля. Характеристика подсистем (экономических, политических, религиозных) религиозных экстремистских объединений и их функций, механизмов социального контроля осуществлена в рамках теории социальных систем Т. Парсонса. Это способствовало дальнейшему определению и анализу структурных компонентов создаваемых ими социальных сетей, а также позволило выявить используемые в религиозной экстремистской деятельности принципы сетевизации. Структура связей сетевых акторов, механизмы функционирования, сетевые ресурсы и ресурсные потоки были установлены в рамках сетевого подхода Дж. Барнса, М. Кастельса. Эффективность взаимоотношений и обмена материальными и нематериальными ценностями между религиозными экстремистами в сетевой модели рассмотрена теорией социального обмена Дж. Хоманса.

Результаты исследования

Эффективность организации совместной деятельности заключается в системности и наличии механизмов разрешения функциональных проблем: адаптации, достижения цели и воспроизводства, снятия напряжения и интеграции. Система обладает: а) целостностью и эмерджентностью; б) структурой, обеспечивающей межэлементное взаимодействие; в) иерархичностью, позволяющей определить вектор действий, выявить подсистемы на основе элементов и определить характер их взаимоотношений. Указанные свойства обеспечивают адаптацию, распространяющуюся от низшего уровня к высшему и отражающуюся в трансформации культурных паттернов. Единообразность социальной мотивации достигается посредством ретрансляции участникам соответствующих мировоззренческих представлений, в которых содержатся заданные смыслы индивидуальных и коллективных действий. Участник получает свободу в рамках коллективной деятельности, выступая актором и социальным объектом и включаясь во взаимоотношения «субъект-действие-ситуация». Каждый актор выполняет действия в соответствии

с полученной статус-ролью – набором взаимно соотношенных ожиданий, институализированных и согласованных с культурно установленными образцами [Парсонс 2000].

Социальные системы выступают сложными, индивидуализированными последовательностями коммуникативных взаимоотношений, которые образуют познавательные агентства. Когнитивное развитие определяется направлением деятельности системы. Системы удовлетворяют потребности в доверии (социальном капитале), получении личной значимости, наличии вариантов выбора, обучении и самореализации [Missimer, Robert, Broman 2017]. Каждый участник вовлечен в познавательный процесс. Формируемый системой на основе культурных паттернов, экономических и социальных ресурсов символический капитал воспринимается ценностным и легитимным, а также создается представление о естественности состояния общественного порядка [Karoui, Duzert, Leidner 2015].

Социальная система с целью разрешения своих функциональных проблем формирует соответствующую организацию взаимосвязи своих структурных элементов. Первый вариант – централизованное управление: а) с четко выраженной иерархией отношений, имеющей нормативное оформление; б) узкой специализацией; в) сферами ответственности участников. Второй вариант – сетевая организация, характеризующаяся «расщепленным лидерством», динамичностью, деструктуризацией (отсутствием видимых формальных связей) и горизонтальными коммуникативными связями.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, массовая цифровизация и культура потребления являются важнейшими условиями современной социальной реальности, которые влияют на усложнение социальных взаимоотношений, провоцируют сетевые формы организации. Стоит помнить, что понятие «социальной сети» не сводится к сети Интернет. Дж. Барнс, впервые используя данное понятие (1954), указал в качестве характеристик отсутствие четких внешних и внутренних границ, способность расширяться, неустойчивость и непостоянность, а также наличие множества взаимодействующих акторов с равным статусом, которые являются основным условием функционирования сети.

Социальные сети используются для организации деятельности, взаимопомощи, в результате чего они становятся системами социальных отношений, позволяющими участникам совместно действовать и косвенно координировать друг друга [Немировский 2019, 192].

Сетевизация представляется способом стратегического менеджмента, заключающимся в формировании сети с ее узлами и связями для достижения соответствия целей с потребностями и ожиданиями партнеров. Е.И. Князева определила сеть как совокупность социальных акторов и набора связей между ними. Посредством социальных сетей «происходит обмен разнообразными ресурсами или «потоками» (капиталом, информацией, технологиями, изображениями, звуками и символами) как между разными участками одного поля, так и между различными полями» [Князева web]. Дж. Хоманс рассматривал деятельность социальных групп, возникающих на условиях получения вознаграждения или избегания наказания, и обозначил следующие мотивационные тенденции. Первая – участник тем более охотно будет совершать действие, если он ранее уже получил за него вознаграждение, которое представляет ценность. Вторая – получение сверх ожидаемого провоцирует демонстративно лояльное поведение [Hомans 1974].

Ключевым моментом функционирования сети помимо структурных единиц являются узлы. По мнению А.В. Назарчука, узлы есть объекты, совокупности объектов и пересечения объектов. В социальной теории ими могут являться индивиды, группы индивидов, созданные ими социальные учреждения. Отличительной чертой сети выступает формирование между этими объектами связей, обладающих дискретностью, подобием, близостью и взаимностью [Назарчук 2011, 41]. Именно наличие взаимных обязательств, переживаний, представлений и целей, обуславливающих взаимодействие, позволяет рассматривать совокупность субъектов сетью.

Современное информационное общество основывается на генерировании, обработке и передаче информации. М. Кастельс назвал его сетевым, так как «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют

культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества» [Кастельс 2000, 505]. Сетью именуется открытые структуры, неограниченно расширяющиеся посредством включения новых узлов, способных к коммуникации, и обладающие открытостью, децентрализованностью и горизонтальными связями. Организационные трансформации проявляются в бюрократических изменениях: а) переходе от вертикализации к горизонтальным отношениям; б) деятельности вокруг процесса; в) определении эффективности потребителем; г) командной работой; д) широкой сетью взаимоотношений; е) постоянном обучении кадров.

Сетевые формы организации порождаются сетевыми функциями, реализуясь посредством выстраивания корпоративных связей. Это приводит к снижению издержек в сфере технологий и обучения, обусловленное созданием ресурсного пула по принципу единства и комплиментарности ресурсов. Доминирование паттернов коллективного выживания способствует усилению социальной зависимости и согласованности деятельности в едином поле с провозглашенными целями и ожиданиями. Основной единицей сети является индивид, выступающий стратегическим ресурсом, способным генерировать инновации. Причина участия в сети может быть различна от экономических выгод до бихевиористских установок [Ломовцева, Мордвинцев 2009]. Жизнеспособность организации измеряется количеством и активной социальной деятельностью участников. Выигрывают в борьбе за «души» те, кто осознает свою целевую аудиторию и предлагает наиболее для нее актуальные цели и направления деятельности, позволяющие каждому индивиду реализоваться как личности при поддержке социального окружения, получить личную значимость.

Стоит отметить, что информационное пространство содержит позитивную (конструктивную) и негативную (деструктивную) составляющие. О.М. Михайленок отмечает, что деструктивная деятельность социальных сетей, заключающаяся в специфической фор-

ме социальной активности, характеризуется «стремлением к разрушению или нарушению нормального функционирования тех объектов и систем, которые обеспечивают жизнедеятельность личности, общества и государства» [Михайленок 2019, 16]. Такие сети функционируют в существующей социально-политической обстановке, но акторы противопоставляют себя обществу и используют незаконные методы.

Насильственный экстремизм является процессом, при котором отдельный человек или группа принимают насильственные действия на основе экстремистской идеологии, оспаривающей установившийся порядок на политическом, социальном и культурном уровнях. Субъекты данных взаимоотношений связаны как формальными, так и неформальными связями. Предпосылками с учетом социально-политического и психологического контекста выступают действия государства, групповая идентичность и индивидуальные мотивы. В современных условиях они усиливаются и охватывают большую аудиторию потенциальных участников благодаря ресурсам сети Интернет [Amit, Varua, Kafyweb], которые совершают экстремистские действия в одиночку, организованными или стихийными группами и сообществами [Заврина, Чернышов, Макурин 2017].

На наш взгляд, в связи с этим религиозные экстремистские объединения целесообразно рассматривать в качестве социальных систем. Информационные технологии позволяют создавать им социальные сети и поддерживать взаимодействие между структурными подразделениями и отдельными участниками, осуществлять обмен информацией, а также вознаграждать как материальными, так и нематериальными благами. Например, обеспечивать авторам доступ к своим сетевым ресурсам, в первую очередь к информации как наибольшей ценности современного общества. Важными условиями сетевого взаимодействия являются схожесть субъектов в каких-либо качествах и ожидание получения положительной оценки своих действий со стороны других. Во многом благодаря этому обеспечивается идентификация акторов в рамках определенной социальной группы [Софонов web].

Развитие новых технологий и формирование цифровой среды способствуют преобразованию организационных структур экстремистских объединений, изменению направлений функционирования и трансформации деятельности, переходу иерархической модели управления к более децентрализованным структурам – цепной сети, узловой структуре, многоканальной структуре, гибридной структуре и сопротивлению без лидера. Иерархичность заменяется свободной конфигурацией небольших автономных ячеек, отдельных лиц или небольших групп, которые не управляются центром принятия решений [Postuszna 2020]. Ключевыми исполнителями становятся независимые люди, которые действуют в одиночку и не общаются с другими участниками, так называемые «одинокие волки» [Postuszna 2015].

Разнообразные причины возникновения, которые варьируются в зависимости от территории, способствуют сетевизации, так как позволяют одному экстремистскому объединению создавать структурные подразделения, опираясь на местные условия. Нами отмечаются две тенденции возникновения экстремизма. Первая – индивидуальная, основывающаяся на личностных, субъективных представлениях и переживаниях. Насильственный экстремизм возникает в контексте социальной и экономической депривации, чувства обидленности, подкрепляемого результатами сравнения положения воспринимаемого неравенства, что провоцирует обвинения «привилегированных» социальных групп или всей системы, дегуманизацию и агрессию [Borum 2003]. Вторая – коллективная, использующая групповую солидарность и групповое мышление основой экстремистских воззрений.

В.П. Кириленко и Г.В. Алексеев, подчеркивая радикальный характер экстремистских действий, указывают, что экстремистские идеи развиваются в закрытых социальных сообществах, отражают агрессивные настроения определенных радикалов по отношению к политическому классу и доминирующей идеологии [Кириленко, Алексеев 2018, 565]. В результате межгруппового взаимодействия, при котором наблюдаются культурные различия, национальные и этнические особенности и которое осуществляется в едином социальном

и политическом поле, может возникнуть восприятие сокращения численности и уменьшения влияния одной из групп под влиянием других (угроза исчезновения), что провоцирует угрозу статусу и прототипичности. Обоснованием необходимости экстремистской деятельности выступает несовместимость ценностей и убеждений между группами (символическая угроза) [Bai, Federico 2021].

Одним из насильственных видов экстремизма, выходящим за локальные рамки и считающимся на данный момент основной угрозой для западноевропейской культуры, является религиозный экстремизм. А.Г. Залужный предложил определение экстремизма, подчеркивая взаимоотношения государства и религиозных объединений как действий и выраженных в публичной форме взглядов и намерений, преследующих своей целью нарушение или проявление неуважения к установленному законом праву граждан на свободу совести, нарушающие общепринятые и справедливые нормы морали, общественный порядок и общее благосостояние [Залужный 2018, 65]. В основе религиозного экстремизма находится взаимосвязь религии и политики. Политические, экономические и социокультурные цели легитимизируются религией, что приводит к ее политизации. Этот процесс усиливается при отождествлении религиозной и этнической принадлежности [Калабекова 2020]. Религиозный экстремизм направлен на получение, удержание и использование власти для реализации социально-политических проектов, в которых акцентируются религиозность будущего политического режима (исламистская теократия) и легитимность новой власти, одобренная священным (Богом, Аллахом, богами, духами). Религиозной экстремистской деятельности имманентно присуща возможность применения насилия в отношении мировоззренческих оппонентов. Это выражается в: а) крайней нетерпимости к иным религиозным и мировоззренческим убеждениям, отрицающей возможность сосуществования с иными позициями; б) радикализованной идеи исключительности в вопросах религии и политики; в) героизации «своих» и демонизации «чужих»; г) пограничности состояния, выражающейся в дихотомичности повседневности и обусловленной экстремальностью и девиантностью; д) жертвенности; е) эсхатологизме.

Религиозная вера становится обоснованием допустимости применения насилия в случае наличия переоцененных убеждений. Применение целенаправленного насилия мотивируется религиозными идеологиями. Группа осуществляет убеждение отдельных участников в необходимости совершения насильственных действий, обращаясь к социальной идентичности и групповой сплоченности. Со временем данные религиозные убеждения становятся доминирующими, утонченными и устойчивыми к вызовам, а верующий становится сильно эмоционально зависимым, что может проявляться в агрессивном поведении. Религиозные экстремисты способны мыслить рационально. Однако они делают это в рамках системы убеждений, которые иррациональны для посторонних. Они жесткие, упрощенные и защищаемые с большой эмоциональной силой [Rahman, Zheng, Reid Meloy web].

Обсуждение результатов

На динамику изменений организационной структуры религиозных экстремистских объединений влияют ужесточение наказания и предпринимаемые государством меры противодействия. Крупные религиозные экстремистские объединения «традиционного» (иерархического) типа структурной организации, существующие достаточный период времени для формирования развернутой стратегии и религиозно-политической идеологии, обладают структурно-территориальным делением, системой вовлечения, воспитания и обучения, распределения экономических и интеллектуальных ресурсов, социального контроля, поощрения и наказания, осуществляют просветительскую и издательскую деятельность. Однако в современных экономических и политических условиях становятся малоэффективными по следующим причинам. Первая – строгая иерархичность не позволяет проявлять гибкость управленческих решений, которые в зависимости от региона могут быть диаметрально противоположными. Вторая – сложность реализации контроля над исполняемыми обязательствами, компенсациями и наказанием. Третья – невозможность удовлетворить запросы широкого круга лиц в дости-

жении личной значимости, индивидуальных целей и т. д. Четвертая – функционирование в определенном географическом месте, опасность концентрации ресурсов. Возникающий организационный кризис приводит: а) к сокращению или ликвидации объединения; б) сетевизации как альтернативной формы организации деятельности.

Так, религиозные экстремистские объединения, осуществляющие террористическую деятельность, активно используют сетевые формы. Например, «Исламское государство»^{*1} [Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424 С... web], «Братья-Мусульмане»^{*2} [Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 web], а «Аль-Каида»^{*3} [Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 web] позиционируется в качестве транснациональной разведывательно-диверсионной и террористической сети. Интегративной основой выступает «мягкая сила» идеологического воздействия, вовлекающая значительную часть молодых участников и заключающаяся в распространении мировоззренческих паттернов равенства, братства, справедливости, основывающихся на религиозных положениях. Такие организации функционируют по сетевому принципу и состоят из отдельных, автономно функционирующих сообществ, обладающих высокой степенью свободы в выборе стратегии, тактики, целей, мишеней и форм осуществления насильственных действий (террористических актов) [Манойло 2018].

Сетевая модель организации усложняет реализацию мер противодействия религиозному экстремизму, затрудняет выявление структурных связей, узлов и механизмов взаимодействия и моделей соподчинения, а также демаркацию экстремистов, относящих себя к представителям той или иной религии, и «традиционных» верующих. Религиозность позволяет участникам ссылаться на свою на вероисповедную принадлежность, указывая на отсутствие организации и свою непричастность

к противоправным действиям. Они отмечают, что реализуют свое право на свободу совести и выполняют религиозные предписания в рамках традиции, а все попытки правоохранителей их привлечь к ответственности за экстремизм являются неправомерными. Так, например, участники экстремистской организации «Нурджулар»^{*4} [Верховный суд... web] указывают, что являются мусульманами и исполняют предписания религии ислам, а данной организации не существует, а также приводят в подтверждение своих слов высказывания известных авторитетных мусульманских лидеров.

На наш взгляд, религиозные экстремистские объединения обладают иерархичной моделью организации, функционирование которой обеспечивается религиозным фактором, воплощающим в себе символический капитал, и легитимизирующим власть. Религиозная вера, иерархия руководства и рядовых участников, наличие единой цели – выполнение «священной миссии», результативность которой определяется священным посредством его волеизъявителей (руководства), формируют иерархичные связи структурных элементов и обеспечивают нормативную легитимность. Однако религиозные экстремистские объединения активно используют в своей деятельности принципы сетевизации, такие как: а) использование ресурсов иных источников (других организаций); б) предложение участникам деятельности и интересной статус-роли; в) использование современных способов коммуникаций; г) автономность акторов при преобладании горизонтальных связей. Благодаря сетевизации они получают устойчивость при неблагоприятных условиях, широкую специализацию своих участников и возможность выполнения каждым большего спектра задач, а также неформальный характер лидерства позволяет отрицать свое присутствие на какой-либо территории и создает сложность идентификации участников правоохранительными органами.

*1 Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

*2 Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

*3 Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

*4 Экстремистская организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Заключение

На основании проведенного социально-философского анализа религиозной экстремистской деятельности был установлен противоречивый характер организации, одновременно сетевой и структурированный с привлечением одиночных участников. Современные условия социальной реальности, глобализационные изменения и развитие новых информационных технологий способствуют переходу от иерархичной организации к сетевым структурам. Однако религиозный экстремизм по причине религиозно-идеологической составляющей остается иерархичным. Сетевые принципы применяются для оптимизации деятельности при необходимых обстоятельствах. Именно данная модель структурных взаимоотношений, основанная на схожих религиозных убеждениях, ощущениях духовного единства и получении священной значимости при наличии сетевых элементов, обеспечивает широкое распространение, привлекательность для конкретных слоев населения и конкурентоспособность религиозных экстремистских объединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баньковская 2019 – *Баньковская Ю.Л.* Социально-философские подходы к исследованию процессов сетевизации общества // Вестник Полесского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 62–67.

Верховный суд... web – Верховный суд Российской Федерации признал экстремистской и запретил на территории России деятельность международного религиозного объединения «Нурджулар» // <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034>

Заврина, Чернышов, Макурин 2017 – *Заврина Е.Е., Чернышов Г.Н., Макурин П.С.* Экстремизм – актуальность проблемы // Инновационная экономика и право. 2017. № 3. С. 115–119.

Залужный 2018 – *Залужный А.Г.* Личность религиозного экстремиста: теоретико-правовой анализ // Теория государства и права. 2018. № 1. С. 64–68.

Калабекова 2020 – *Калабекова С.В.* Некоторые аспекты проблематики религиозного экстремизма // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, ч. 3. С. 316–320.

Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кириленко, Алексеев 2018 – *Кириленко В.П., Алексеев Г.В.* Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 561–571. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571

Князева web – *Князева Е.И.* Сетевые подходы к анализу коммуникации в информационном обществе [Человек. Культура Общество: тез. докл. I Междунар. научн. конф. студентов и асп. (г. Минск, 21–22 мая 2004 г.). Минск: БГУ, 2004. С. 185–188] // <http://elib.bsu.by/handle/123456789/46999>

Ломовцева, Мордвинцев 2009 – *Ломовцева О.А., Мордвинцев А.И.* Сетевая природа корпоративных форм организации бизнеса // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 1 (64). С. 138–143.

Манойло 2018 – *Манойло А.* «Мягкая сила» сетевых террористических организаций в контексте европейской безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2018. № 51. С. 11–15.

Михайленок 2019 – Михайленок О.М. Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 12–21. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

Назарчук 2011 – *Назарчук А.В.* О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 39–51.

Немировский 2019 – *Немировский М.В.* Теоретические подходы к изучению сетевого взаимодействия в образовании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 191–196.

Парсонс 2000 – *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2000.

Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 web – Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03-116 // <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnyeresheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html>

Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424 С... web – Решение Верховного суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 года № АКПИ 14-1424 С – признать международные организации «Исламское государство» и Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) *⁵ террористическими и запретить их

*⁵ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

- деятельность на территории Российской Федерации // <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogosuda-rf-t-29-dekabrya.html>
- Софронов web – Софронов Д.А. Сетевое социально-информационное взаимодействие как объект изучения социологии [Огарев-online. 2014. № 24] // <http://journal.mrsu.ru/arts/setevoe-socialno-informacionnoe-vzaimodejstvie-kak-obekt-izucheniya-sociologii>
- Amit, Barua, Kafyweb – Amit S., Barua L., Kafy A. Countering Violent Extremism Using Social Media and Preventing Implementable Strategies for Bangladesh [Heliyon. 2021. Vol. 7, iss. 5. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e07121] // <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S240584402101224X>
- Bai, Federico 2021 – Bai H., Federico Ch. White and Minority Demographic Shifts, Intergroup Threat and Right-Wing Extremism // Journal of Experimental Social Psychology. 2021. Vol. 94. Art.104114. DOI: 10.1016/j.jesp.2021.104114
- Borum 2003 – Borum R. Understanding the Terrorist Mind-Set // FBI Law Enforce. Bull. 2003. Vol. 72. P. 7–10.
- Chetty, Alathur 2018 – Chetty N., Alathur S. Hate Speech Review in the Context of Online Social Networks // Aggression and Violent Behavior. 2018. Vol. 40. P. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003
- Homans 1974 – Homans G.C. Social Behavior: In Elementary Forms. N. Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1974.
- Karoui, Duzert, Leidner 2015 – Karoui M., Duzert A., Leidner D. Strategies and Symbolism in the Adoption of Organizational Social Networking Systems // The Journal of Strategic Information Systems. 2015. Vol. 24, iss. 1. P. 15–32. DOI: 10.1016/j.jsis.2014.11.003
- Missimer, Robèrt, Broman 2017 – Missimer M., Robèrt K., Broman G. A Strategic Approach to Social Sustainability – Part 1: Exploring the Social System // Journal of Cleaner Production. 2017. Vol. 140. P. 32–41. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.03.170
- Postuszna 2015 – Postuszna E. Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security. Waltham: Butterworth-Heinemann, 2015.
- Postuszna 2020 – Postuszna E. Terrorism of Lone Wolves // Safety & Defense. 2020. Vol. 6 (1). P. 109–118. DOI: 10.37105/sd.69
- Rahman, Zheng, Reid Meloy web – Rahman T., Zheng L., Reid Meloy J. DSM-5 Cultural and Personality Assessment of Extreme Overvalued Beliefs [Aggression and Violent Behavior. 2021. DOI: 10.1016/j.avb.2021.101552] // <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S1359178921000069>
- REFERENCES**
- Ban'kovskaya Yu.L., 2019. Socio-Philosophical Approaches to the Study of Social Networking Processes. *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i humanitarnye nauki*, no. 2, pp. 62-67.
- The Supreme Court of the Russian Federation Recognized the Activities of the International Religious Association "Nurdzhular" as Extremist and Banned in Russia*. URL: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034>
- Zavrina E.E., Cherny'shov G.N., Makurin P.S., 2017. Extremism – the Relevance of the Problem. *Innovacionnaya ekonomika i pravo*, no. 3, pp. 115-119.
- Zaluzhny'j A.G., 2018. The Personality of a Religious Extremist: A Theoretical and Legal Analysis. *Teoriya gosudarstva i prava*, no. 1, pp. 64-68.
- Kalabekova S.V., 2020. Some Aspects of the Problems of Religious Extremism. *Missiya konfessij*, vol. 9, ch. 3, pp. 316-320.
- Castells M., 2000. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow, GU VShE.
- Kirilenko V.P., Alekseev G.V., 2018. Actual Problems of Countering Extremist Crimes. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 561-571. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571
- Knjazeva E.I., 2004. Network Approaches to the Analysis of Communication in the Information Society. *Chelovek. Kultura. Obshchestvo: tez. dokl. I Mezhdunar. nauch. konf. studentov i asp. (g. Minsk, 21–22 maya 2004 g.)*. Minsk: BSU, pp. 185-188. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/46999>
- Lomovceva O.A., Mordvincev A.I., 2009. The Network Nature of Corporate Forms of Business Organization. *Ucheny'e zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, no. 1 (64), pp. 138-143.
- Manojlo A., 2018. "Soft Power" of Network Terrorist Organizations in the Context of European Security. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy*, no. 51, pp. 11-15.
- Mixajlenok O.M., 2019. Information and Communication Risks of the Networking of Political Relations. *Vestnik Instituta sociologii*, vol. 10, no. 3, pp. 12-21. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584
- Nazarchuk A.V., 2011. On Network Research in Social Sciences. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 39-51.
- Nemirovskij M.V., 2019. Theoretical Approaches to the Study of Network Interaction in Education. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 191-196.

- Parsons T., 2000. *The Structure of Social Action*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of February 14, 2003 No. GKPI 03-116*. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html>
- The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation from December 29, 2014 No. AKPI 14-1424 C-to Recognize the International Organizations "Islamic State" and Jabhat al-Nusra (Victory Front) Terrorist Organizations and Prohibit Their Activities on the Territory of the Russian Federation*. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya.html>
- Sofronov D.A., 2014. Network Socio-Informational Interaction as an Object of Studying Sociology. *Ogarev-online*, no. 24. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/setevoe-socialno-informacionnoe-vzaimodejstvie-kak-obekt-izucheniya-sociologii>
- Amit, Barua, Kafy web – Amit S., Barua L., Kafy A., 2021. Countering Violent Extremism Using Social Media and Preventing Implementable Strategies for Bangladesh. *Heliyon*, vol. 7, iss. 5. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e07121. URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S240584402101224X>
- Bai H., Federico Ch., 2021. White and Minority Demographic Shifts, Intergroup Threat and Right-Wing Extremism. *Journal of Experimental Soul Psychology*, vol. 94, art. 104114. DOI: 10.1016/j.jesp.2021.104114
- Borum R., 2003. Understanding the Terrorist Mind-Set. *FBI Law Enforce. Bull*, vol. 72, pp. 7-10.
- Chetty N., Alathur S., 2018. Hate Speech Review in the Context of Online Social Networks. *Aggression and Violent Behavior*, vol. 40, pp. 108-118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003
- Homans G.C., 1974. *Social Behavior: In Elementary Forms*. New York, Harcourt, Brace, Jovanovich.
- Karoui M., Duzert A., Leidner D., 2015. Strategies and Symbolism in the Adoption of Organizational Social Networking Systems. *The Journal of Strategic Information Systems*, vol. 24, iss. 1, pp. 15-32. DOI: 10.1016/j.jsis.2014.11.003
- Missimer M., Robèrt K., Broman G., 2017. A Strategic Approach to Social Sustainability – Part 1: Exploring the Social System. *Journal of Cleaner Production*, vol. 140, p. 32-41. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.03.170
- Posduszna E., 2015. *Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security*. Waltham: Butterworth-Heinemann.
- Posiuszna E., 2020. Terrorism of Lone Wolves. *Safety & Defense*, vol. 6(1), pp. 109-118. DOI: 10.37105/sd.69
- Rahman T., Zheng L., Reid Meloy J., 2021. DSM-5 Cultural and Personality Assessment of Extreme Overvalued Beliefs. *Aggression and Violent Behavior*. DOI: 10.1016/j.avb.2021.101552. URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S1359178921000069>

Information About the Author

Tatyana V. Izluchenko, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Siberian Federal University, Prosp. Svobodnyy, 79, 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation, izluchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Излученко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет, просп. Свободный, 79, 660041 г. Красноярск, Российская Федерация, izluchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>